

РУКОПОЖАТИЕ

— Здравствуй, Авдеевич!

Я внимательно смотрю на крепкого, загорелого парня в хорошо сшитом костюме. Голубая рубашка, широкий галстук. Я помню, как приходили мы в литературу, бравирюя рубашкой врасплох.

Артем Веселый ходил в кумачовой хламиде до самых сапожищ. Марк Колосов сидел в редакции «Молодой гвардии» в одних трусах, нависнув на рыжую опшшу ободранныю кожаную куртку. Корректный Пастернак нервозно пился и держал себя, как в зоологическом, обходя боком редакторский стол на манер клетки с тигром. Потом прыжок...

Памяное, хорошее время! Мы захватывали первые основы культуры иногда прямо из вражеских рук.

И пожалуй неплохо было противопоставить кожаную куртку и красную комсомольскую рубашку иным галстучникам, с тросточками регулирующим в ту пору по нашей литературе.

Но в борьбе против чуждых влияний, в борьбе с начетчиками частенько мерещились палку:

— Мы лица не комкали!

— Мы только-что с фронта...

— Точки, запятые — это уже пусть редактор ставит...

От Авдеечки такого не услышишь.

— Я приехал, — говорит он, — побиться толку об институте мировой литературы. Что это будет? На кого рассчитано? Будем ли мы в нем учиться? Хочу поставить на с'езде этот вопрос.

Подходит Корнийчук.

— Нужна академия, верно! Мне стыдно быть кустарем. Товарищи мои кто в Академии воздухофлота, кто в научном институте... а я предоставлен самому себе.

Конечно. Когда-то мы в любой ячейке чувствовали себя в международном масштабе. Но в нашем творчестве еще было много «расейского». Новое поколение, дышащее вперед комсомолом, берет более дальний принцип.

Я смотрю на этих ребят в хороших костюмах, подтанутых, знающих, чего они хотят. И мне немного завидно и радостно.

Звонят звонки. Пустеют кулуары. Проходят в президиум: грузный, большой Безыменский, Шолохов, медный от загара, Артем Веселый, Фадеев. Первое поколение...

Ник. БОГДАНОВ